

Г.У. Орынбаева*

КАЗАХСКИЙ КОЛХОЗНЫЙ АУЛ В 1930-Е ГОДЫ

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-12
УДК 94:338(574)"193"*Выходные данные для цитирования:**Орынбаева Г.У. Казахский колхозный аул в 1930-е годы // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 151–162. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-12.pdf>*

G.U. Orynbayeva*

KAZAKH COLLECTIVE FARM VILLAGE IN THE 1930S

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-12

*How to cite:**Orynbayeva G.U. Kazakh Collective Farm Village in the 1930s // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 151–162.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-12.pdf>]*

Abstract. Unlike the majority of modern studies devoted to the history of the Kazakh aul in the 1930s, this article deals mainly with organizational, economic and socio-cultural aspects of collectivization rather than political ones. The aim of the paper is to reconstruct the process of collective farming in the Kazakh aul. Kazakh collective farm aul in its development experienced the same difficulties as other rural communities in different parts of the Soviet Union in the conditions of forced collectivization. At the same time, Kazakh collective farms had special features in their formation: it was collective farm construction in the region of nomadic and semi-nomadic livestock breeding, transition from nomadism to sedentarization, food collapse in the early 1930s. The economic and cultural turning point led to changes in the everyday life of the Kazakh aul population. The Soviet authorities planted previously unknown agricultural crops among yesterday's nomads, thus trying to eliminate both the traditional way of economic management, perceived as backwardness, and food difficulties. The life of the Kazakh aul was undergoing transformational changes of socio-cultural plan: the role of women in society was changing, young people were moving away from traditionalism, elements of official Soviet, urban and neighboring agricultural cultures were gradually introduced into everyday life. The collective farm system, which was contrary to peasant psychology, did not prove its effectiveness – in an attempt to gain some economic stability, collective farmers had to resort to breaking the laws.

Keywords: kazakh aul, collectivization, collective farm, common economy, labor organization, the cultural revolution.

The article has been received by the editor on 01.05.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В отличие от большинства современных исследований, посвященных истории казахского аула в 1930-е гг., данная статья рассматривает в основном организационно-экономические и социокультурные аспекты коллективизации, нежели политические. Цель работы – реконструкция процесса становления колхозного строя в казахском ауле. Казахский колхозный аул в своем развитии испытал те же трудности, что и другие сельские общности в разных уголках Советского Союза в условиях насильственной коллективизации. В то же время казахские колхозы имели особенности в своем становлении: это колхозное строительство в регионе бытования кочевого и полукочевого животноводства, переход от кочевничества к оседлости, продовольственный коллапс начала 1930-х гг. Хозяйственный и культурный перелом привел к изменениям бытовой жизни казахского аульного

* **Гульмира Усенбаевна Орынбаева**, кандидат исторических наук, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: orinbaevag@mail.ru
Gulmira Usenbaevna Orynbayeva, Candidate of Historical Sciences, Ch.Ch. Valikhanov Institute of the History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: orinbaevag@mail.ru

населения. Советская власть насаждала прежде неведомые сельскохозяйственные культуры среди вчерашних кочевников, пытаясь таким образом ликвидировать как традиционный способ хозяйствования, воспринимавшийся как отсталость, так и продовольственные затруднения. В жизни казахского аула происходили трансформационные изменения социокультурного плана: менялась роль женщины в обществе, молодежь отходила от традиционализма, в быт постепенно входили элементы официальной советской, городской и соседних земледельческих культур. Противоречащая крестьянской психологии колхозная система не проявила свою эффективность, – пытаясь обрести хоть какую-то экономическую стабильность, колхозники вынужденно прибегали к нарушению законов.

Ключевые слова: казахский аул, коллективизация, колхоз, общественное хозяйство, организация труда, культурная революция.

Статья поступила в редакцию 01.05.2024 г.

Как в советский, так и в постсоветский период историки преимущественно акцентировали внимание на политических аспектах истории коллективизации, бесспорно заслуживающих особого внимания. Теме становления колхозов в Казахстане посвящено немало количество замечательных работ: А.Б. Турсунбаева, Ф.И. Колодина, Г.Ф. Дахшлейгера, К.Н. Нурпеисова, В.П. Данилова, Ж.Б. Абылхожина, И. Огайон и других авторов¹. На современном этапе историографии главным образом исследуется начальный период коллективизации (конец 1920-х – начало 1930-х гг.), итогом которого стали продовольственный коллапс и гуманитарная катастрофа. Вместе с тем большой теоретический интерес для исследовательского осмысления представляет изучение социально-экономических вопросов социалистической реконструкции сельского хозяйства: организации труда в колхозах, тактики работы с сельским населением советской власти, сделавшей ставку на применявшиеся революционные стратегии, модернизаторской деятельности большевистского режима в деревне в целом.

При множестве схожих черт с процессом коллективизации в деревнях, аулах и кишлаках в любом другом уголке Советского Союза казахский колхозный аул в то же время имел особенности в своем становлении и развитии. К ним прежде всего относится бытование кочевого и полукочевого скотоводства, складывание родовых и моноэтничных колхозов в условиях полиэтничного общества, переход от кочевничества к оседлости.

Накануне перехода к массовой коллективизации около половины казахского населения продолжало вести кочевое и, в большей степени, полукочевое хозяйство². В конце 1920-х – начале 1930-х гг., одновременно с коллективизацией сельского хозяйства и оседанием (седентаризацией) скотоводческих хозяйств в Казахстане, стала осуществляться так называемая социалистическая реконструкция хозяйственной и культурно-бытовой жизни³. К организации колхозов государство приступило неподготовленным, без каких-либо разработанных планов относительно специализации этих хозяйств нового типа, организации труда в них, способов оплаты и т.д. На начальном этапе, вплоть до конца 1933 г., в районах

¹ Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957; Колодин Ф.И. Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы) в Казахстане в годы первой и второй пятилеток // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1956. Т. 2; Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана. Алма-Ата, 1985. Т. 1; Огайон И. Седентаризация казахов при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1940 гг.). Алматы, 2009; Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты. Алматы, 2022; и др.

² Дахшлейгер Г.Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 23.

³ Донич А.Н. Проблема нового казакского аула. Кзыл-Орда, 1928. С. 4.

проживания казахского населения в сфере коллективизации создалось положение, близкое к хаотичному. Этот период истории советского Казахстана на сегодняшний день достаточно хорошо изучен. Форсированное колхозное строительство сопровождалось как активными, так и пассивными протестами – вооруженными выступлениями (басмачество в советской историографии), откочевками за пределы республики, а также глубоким продовольственным кризисом, приведшим к массовому голоду в ряде регионов. В колхозах господствовала инициатива отдельных активистов, порядок жизни и труда устанавливался стихийно. Где-то первое время коллективная хозяйственная деятельность никак не могла наладиться и попросту замирала⁴.

Исходя из разнообразия условий на территории республики, были установлены конкретные для каждой группы районов формы кооперативно-колхозных объединений. В зерновых и хлопковых районах основной формой колхозов стала сельскохозяйственная артель. Устав сельскохозяйственной артели 1930 г. обязывал членов артели обобществлять рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, товарно-продуктивный скот, семенные запасы, кормовые средства и хозяйственные постройки в размерах, необходимых для общественного хозяйства. Не подлежали обобществлению жилые постройки членов артели, свиньи и овцы в районах непромышленного мелкого скотоводства, домашняя птица, а также одна корова и мелкий инвентарь. Полевые наделы полностью обобществлялись, в личном пользовании оставались лишь приусадебные земли, огороды, сады и т.п.⁵

В животноводческих регионах Казахстана основными формами кооперативного объединения стали ТОЗы и ТОЖи. В районах с полукошевым животноводством получили распространение товарищества по совместной обработке земли и косьбе, в кочевых районах – малсеркитики (*малсеріктіктер*, т.е. «товарищества по животноводству»)⁶. В ТОЗах, кроме процессов труда, обобществлялись сенокосные угодья (естественные и поливные), водные источники и сооружения, колодцы, ирригационная сеть, пахотные земли, орудия производства, рабочий скот в пределах, необходимых для проведения общественных работ. В товариществах на территории кочевых районов (мелиоративных, коневодческих, овцеводческих, машинных, по заготовке кормов и т.д.) организовались общественные выпасы скота, заготовка кормов и т.д. На членские взносы и другие сборы приобретались машины, породный скот, строились животноводческие помещения⁷.

В принятом 17 сентября 1932 г. постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) в животноводческих районах Казахстана «в виде исключения» разрешалось в индивидуальном пользовании казаха иметь «до 100 голов овец, 8–10 голов [крупного] рогатого скота, 3–5 верблюдов и 8–10 табунных лошадей на хозяйство»⁸.

Первые колхозы организовывались по национальному признаку, так как проживание национальностей обычно было раздельным. Казахские колхозы создавались по «родовому» признаку, поскольку землепользование у казахов традиционно носило родовой характер. В представлении казаха земля, на которой он проживал, была больше не собственностью, а «атаконыс» – местом, где жили его предки, освященным родовыми, семейными традициями⁹.

Государство было заинтересовано в переводе всех колхозов на устав сельхозартели, которая имела более высокий уровень обобществления собственности ее членов. Последние

⁴ Слестухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казахского аула // Советская этнография. 1933. № 1. С. 78; Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 284.

⁵ Турсунбаев А.Б. Колхозное крестьянство Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 74–75.

⁶ Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана... С. 195.

⁷ Турсунбаев А.Б. Колхозное крестьянство Казахстана... С. 75.

⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Конец 1930–1933. С. 483–484.

⁹ Захарова И.В. Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана (По материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1956. Т. 3. С. 122; Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 205.

ТОЗы и малсерктики сохранились в 1939 г. лишь в животноводческих районах Гурьевской, Западно-Казахстанской, Кзыл-Ординской и Алма-Атинской областей¹⁰.

Несмотря на большую территорию Казахстана, различия в климатических условиях и хозяйствовании населения в процессе создания первых колхозных казахских поселений имелись много общего. Большинство колхозных селений возникло в первые годы коллективизации (1929–1935 гг.). Колхозный аул в большинстве случаев основывали на месте старой зимовки или на территории усадьбы бая. Немало колхозных аулов было основано на землях, возвращенных казахам из фонда Переселенческого управления. Иногда казахские семьи подсалялись в переселенческие села. Некоторые старые зимовки в последующем использовались для отгонного животноводства¹¹. Возникало немало крупных оседлых поселений, прежде всего в южных и юго-восточных областях, делались первые шаги в их благоустройстве¹². Зачастую в этих «точках оседания» не было даже воды¹³. Одну из таких точек оседания – культпунктов А.М. Брискин описывает следующим образом: «Четыре каменных домика под железной крышей одиноко стоят среди глухой безбрежной степи, ни кустика, ни деревца»¹⁴.

Первое время часть казахского населения продолжала жить в юртах¹⁵. Кроме юрт, основным жилищем у оседавших казахов были землянки, полуземлянки и саманные домалачуги. Строительство жилья было возложено на само оседающее население¹⁶. Нередко оседающие семьи жили в полуразрушенных землянках, без окон и дверей, в шалашах, по несколько семей в одном помещении, что усугубляло их положение и приводило к увеличению смертности¹⁷. Строительство новых домов, предназначенных для оседающего населения, оставалось лишь в планах. Одной из причин тому был дефицит, а иногда и полное отсутствие строительных материалов¹⁸.

Колхозам с самого начала предстояло влезать в огромные долги. По предложению казахстанского Госплана, основное бремя по переводу на оседлость ложилось на само население¹⁹. В коллективные хозяйства передавался конфискованный у байства и кулачества так называемый «мертвый» инвентарь: сенокосилки, молотилки, жнейки и т.д., которого было явно недостаточно. Колхозам также передавалось 30–40 % скота, изъятого у раскулаченных. Кроме того, в распоряжение совхозов поступал ценный племенной скот, если он имелся в наличии у репрессированных «эксплуататоров»: производители и матки рысистых пород лошадей, быки-бугаи, тонкорунные овцы²⁰.

В животноводческих районах первые казахские колхозы обычно были «карликовыми», поэтому в дальнейшем производилось их укрупнение, включая так называемое «кустование». Укрупненные колхозы объединяли территории, на которой проживали две-три родовые группы²¹. Внутри колхозов, объединявших несколько родов, не редкостью была борьба за руководство в колхозе, приводившая к различным формам неповиновения²². Советская власть, как известно, не упускала из виду «проблему» племенной солидарности бывших

¹⁰ Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана... С. 198.

¹¹ Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. Алма-Ата, 1989. С. 70–71.

¹² Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана... С. 204.

¹³ Брискин (Восточный) А. Степи казакские. Очерки степного Казахстана. Кзыл-Орда, 1929. С. 100.

¹⁴ Там же. С. 82.

¹⁵ Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана... С. 204.

¹⁶ Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казахского аула... С. 76; Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (Историко-этнографический очерк) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1956. Т. 3. С. 72; Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967. С. 95; Альжаппарова Б.К. Традиционное хозяйство казахов в первой трети XX века: трансформация и крушение (по материалам Центрального Казахстана): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2009. С. 95.

¹⁷ Альжаппарова Б.К. Традиционное хозяйство казахов в первой трети XX века... С. 126.

¹⁸ Там же. С. 99.

¹⁹ Киндлер Р. Сталинские кочевники: Власть и голод в Казахстане. М., 2018. С. 159.

²⁰ Государственный архив Атырауской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

²¹ Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 206.

²² Дуйшемалиев Т.Д. Особенности проведения коллективизации сельского хозяйства в Киргизии // Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане: опыт и проблемы. Алматы, 1990. С. 131.

кочевников и в целях искоренения «родовых» форм и институтов пыталась превратить так называемые «родовые» колхозы в смешанные – «межродовые» и многонациональные²³.

С лета 1930 г. в колхозах сложилась форма оплаты труда по трудодням, которыми измерялись затраты труда колхозников в общественном хозяйстве и их долевое участие в распределяемых доходах. К началу Великой Отечественной войны, в соответствии с инструкцией Наркомата земледелия СССР, за каждые 100 л надоенного молока начислялось 1,8 трудодня, за выращивание телят до 15–20-дневного возраста и за подготовку коровы к отелу – 8, за подготовку нетелей к отелу – 7 трудодней и т.д.²⁴ В доходы колхозов, подлежащие распределению, включались все натуральные и денежные поступления от земледелия, животноводства, птицеводства, пчеловодства, подсобных предприятий и заработков колхоза на стороне (извоз и т.п.)²⁵. Работать колхозникам приходилось фактически от зари до зари, деньгами плата почти не производилась. Расплачивались натурой – пшеницей, просом, горохом, т.е. тем, что выращивали в колхозе. При этом трудодни-«палочки» полностью отоваривались только в урожайные годы.

Дети в сельской местности с ранних лет начинали трудиться наравне со взрослыми: доярками, скотниками, пахарями, пастухами, поварами, работали на сборе урожая зерна, хлопка и т.д.²⁶ Кроме того, в колхозы и совхозы направлялись беспризорные подростки, которые в те годы наводняли города и железнодорожные станции: «Часть же их, которая не может быть детдомами освоена, а также и все беспризорные и безнадзорные переростки должны быть трудоустроены и мало того – твердо закреплены на предприятиях, совхозах и колхозах»²⁷.

Постепенно, по мере накопления опыта, в передовых сельхозартелях стали создаваться постоянные бригады. Для достижения наибольшей эффективности труда между бригадами организовывалось социалистическое соревнование²⁸. В качестве поощрения производилось премирование, в основном дефицитными товарами. Но самой распространенной мотивацией было, конечно же, суровое наказание за нарушения трудовой дисциплины.

Еще с дореволюционных времен в сознании царского чиновничества укрепилось представление о кочевом скотоводстве как отсталом способе хозяйствования и, соответственно, необходимости заменить его оседлым земледелием. Наследуя подобные представления, большевики также не брали в расчет природно-климатические особенности Казахстана, малопригодного для эффективного растениеводства. Уже на рубеже 1920–1930-х гг. земледелие начинает продвигаться в недостаточно благоприятные для его ведения условия²⁹. Партийными органами в казахские колхозы для передачи полеводческого опыта направлялись бригады инструкторов из колхозов с русско-украинским населением³⁰. Русские колхозы обязывались оказывать казахским колхозам помощь семенами, сельскохозяйственными машинами и инвентарем³¹. На бывших территориях бытования кочевого и полукочевого животноводства с каждым годом происходило все большее увеличение посевных площадей³².

В составе посевных культур колхозов, кроме проса и пшеницы, встречались также рожь, овес, ячмень, подсолнух, кукуруза, травы (преимущественно люцерна), сорго, соя, кунжут и др. Расширялись посевные площади хлопка, табака. С начала коллективизации в республике началось внедрение товарного овощеводства, картофелеводства, промышленного свекловодства. В казахских колхозах Центрального Казахстана встречались даже

²³ Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана... С. 210.

²⁴ Государственный архив Костанайской области. Ф. 72. Оп. 6. Д. 106. Л. 78.

²⁵ Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 293, 296.

²⁶ Полевые материалы 2022 г. Костанайская область, Амангелдинский район.

²⁷ Государственный архив Карагандинской области. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 82.

²⁸ Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 285.

²⁹ Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области... С. 61.

³⁰ Колодин Ф.И. Товарищества по совместной обработке земли... С. 188; Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане... С. 182.

³¹ Колодин Ф.И. Товарищества по совместной обработке земли... С. 184, 188.

³² Там же. С. 202.

бахчевые культуры – дыни и арбузы. Получали распространение посевы картофеля и на индивидуальных приусадебных участках колхозников животноводческих районов Южно-Казахстанской, Алма-Атинской, Западно-Казахстанской, Кызыл-Ординской, Актюбинской и Гурьевской областей.

Наряду с этим власти обязывали увеличивать в Казахстане площади посадок садов, винограда и ягод. В Южно-Казахстанской, Алма-Атинской и Джамбульской областях создавались специализированные садово-виноградные совхозы, т.е. садоводство и виноградарство приобретали промышленный характер. Кроме того, сады разбивались в центральных и северо-восточных областях Казахстана³³. Таким образом, Казахстан по замыслам большевиков превращался в край продуктивного развитого земледелия вместо «отсталого» подвижного животноводства.

Однако символично, что уже в предвоенные годы и во время войны было решено произвести расширение посевов привычного для казахов проса, отличающегося, как известно, высокой засухоустойчивостью³⁴. То есть от экспериментов с сельхозкультурами власти вернулись к прежним, традиционным для степняков видам злаковых, выращивание которых издревле практиковалось в аридных зонах.

В 1933 г. в журнале «Большевик Казахстана» утверждалось, что «кочевья как формы хозяйствования, за редкими исключениями, уже нет», потому что животноводство уже не может и не должно возвратиться к старой тебеневочной форме хозяйства³⁵. Однако несколькими годами позже, после того как И.В. Сталиным была поставлена задача – превратить Казахстан в основную животноводческую базу на востоке страны³⁶, вековые скотоводческие навыки казахов стали представлять интерес. Поэтому пастухи-казахи в животноводческих хозяйствах стали пользоваться признанным авторитетом³⁷.

Для улучшения овцеводства Казахстана в 1924–1940 гг. в овцеводческие совхозы завозились импортные бараны и овцы пород рамбулье, прекос, вюртемберг, аргентинский меринос и др. Также производилось межпородное скрещивание грубошерстных овец с тонкорунными баранами³⁸. Еще до революции местные власти пытались наладить ветеринарную помощь, в годы же советской модернизации в республике в плановом порядке создавалась широкая сеть ветеринарно-зоотехнических учреждений³⁹. С конца 1930-х гг. в хозяйствах с преимущественно казахским населением начинается внедрение птицеводства и свиноводства⁴⁰. Н.А. Скворцов, назначенный в 1938 г. партийный руководитель республики, на республиканском совещании передовиков животноводства предлагал покончить с «“антисвинской” традицией» в Казахстане⁴¹.

Советская власть в качестве одной из важнейших своих задач ставила полное техническое перевооружение колхозного хозяйства бывших кочевников. Этот процесс начался уже с момента проведения планового оседания. В 1929 г. еще значительное число колхозов по районам, прилегающим к Турксибу, не имело таких сложных по тем временам машин, как сеялки, жнейки, молотилки, сенокосилки. В районы оседания в 1930–1931 гг. завозился почвообрабатывающий, уборочный, сеноуборочный и транспортный инвентарь. Причем весь инвентарь был распределен по оседающим колхозам. Однако хозяйства все же крайне недостаточно были обеспечены необходимыми орудиями: плугами, сеялками, уборочными машинами, теми же молотилками и сенокосилками⁴². В 1934 г. механическая тяга составляла более

³³ Сельское хозяйство Казахстана за 40 лет. Алма-Ата, 1957. С. 104, 113, 119, 125; *Сластухин Ф.* Социалистическая перестройка кочевого казахского аула // Советская этнография. 1933. № 1. С. 93.

³⁴ Государственный архив Костанайской области. Ф. 72. Оп. 6. Д. 1. Л. 106; *Балакаев Т.Б.* Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Алма-Ата, 1971. С. 118.

³⁵ *Большевик Казахстана.* 1933. № 7. С. 68.

³⁶ Постановления IV Пленума ЦК КП(б) Казахстана. 24–27 февраля 1938 г. Алма-Ата, 1938. С. 44.

³⁷ *Сластухин Ф.* Социалистическая перестройка кочевого казахского аула... С. 81.

³⁸ Сельское хозяйство Казахстана за 40 лет... С. 137.

³⁹ *Турсунбаев А.Б.* Колхозное крестьянство Казахстана... С. 110.

⁴⁰ Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967. С. 72.

⁴¹ *Большевик Казахстана.* 1939. № 10. С. 19.

⁴² *Сластухин Ф.* Социалистическая перестройка кочевого казахского аула... С. 86–87.

одной трети всей тяги в сельском хозяйстве Казахстана. В кочевых и полукочевых районах республики к этому времени простейшие сельскохозяйственные орудия – сохи, косули и сабаны – были полностью вытеснены сложным сельскохозяйственным инвентарем⁴³.

Пропагандисты нового социалистического образа жизни писали, что «огромнейшая» разница в техническом перевооружении труда бывших кочевников в оседающих колхозах по сравнению с техникой прошлого кочевого хозяйства стала заметна самим колхозникам-казахам. «Кочевник переходит от единственной сохи прямо к сложному и весьма разнообразному инвентарю. Набор инвентаря сейчас в колхозе оседающих казахов включает такой ряд сельскохозяйственных орудий и машин: плуги, железные бороны (большой частью зиг-заг), сеялки, жнейки, лобогрейки, молотилки, сортировки, триера, веялки, сенокосилки, конные грабли, культиваторы, окучники, сепараторы, соломорезки, железные фургоны и др. Колхозники сами отмечают эту разницу и с гордостью говорят, что о том сложном инвентаре, которым они сейчас пользуются, они и представления не имели каких-нибудь 2–3 года назад»⁴⁴.

К началу первой пятилетки относится история организации в Казахстане первых машинно-тракторных станций (МТС). Одновременно с организацией МТС создавались и машинно-сенокосные станции (МСС), преимущественно в животноводческих районах с оседлым казахским населением⁴⁵.

Овладение навыками работы с сельскохозяйственной машинной техникой, конечно, сказывалось на общем культурном уровне казахов – недавних кочевников. Знакомство с машинами, их устройством и работой, как писали советские авторы, «повышало умственное развитие» казаха-колхозника, обогащало его знаниями⁴⁶. По их же замечаниям, освоение машинной техники казахам, недавним кочевникам, давалось нелегко: они обнаруживали неумение в обращении и с простыми орудиями, такими как плуг, не говоря уже о более сложных механизмах. И неумелое пользование казахами сельскохозяйственными орудиями и машинами часто вело к поломкам инвентаря и быстрому его изнашиванию. Однако скорее всего такая ситуация с овладением машинной техникой существовала на первых порах повсеместно, не только в среде казахов, и связана она была как со сложностями в освоении невиданных прежде механизмов, так и с нежеланием вкладываться в насильно навязанное сверху общественное производство.

Отсутствие же сенокосения у казахов-кочевников в условиях круглогодичной тебеневки скота новая власть также связывала с хозяйственной отсталостью и отсутствием машин для сенокосения. Органы власти на местах культивировали массовый переход бывших кочевников к повсеместному сенокосению, снабжая их сенокосилками, жнейками, лобогрейками, конными граблями⁴⁷.

В 1930-х гг. в качестве уборочной машины впервые зарекомендовал себя комбайн. Как указывают архивные документы, старики сутками ходили по полям, «чтобы посмотреть, как работает сия диковинная машина»⁴⁸. Однако основной уборочной машиной для всего края в этот период оставалась лобогрейка – механическая машина на конной тяге, ею убиралось до 90 % урожая⁴⁹.

В первые десятилетия существования колхозов большое развитие в них получил колесный транспорт – пароконные и одноконные брички, которые в колхозе были распределены по бригадам и фермам. Вьючные перевозки на верблюдах и лошадях постепенно стали исчезать. Лишь чабаны во время перегона скота использовали перевозку вьюком для транспортировки походного имущества. Повсеместно использовалась верховая езда,

⁴³ Колодин Ф.И. Товарищества по совместной обработке земли... С. 197.

⁴⁴ Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казахского аула... С. 88.

⁴⁵ Сельское хозяйство Казахстана за 40 лет... С. 40–41.

⁴⁶ Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казахского аула... С. 88–89.

⁴⁷ Там же. С. 90–95.

⁴⁸ Государственный архив Костанайской области. Ф. 1П-105. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁴⁹ Большевик Казахстана. 1935. № 6. С. 3.

а также живое тягло⁵⁰. Снабжение хозяйств как тракторными, так и конными сеялками тоже производилось недостаточно, и, судя по официальным источникам, продолжал сохраняться посев путем разбрасывания семян по полю вручную⁵¹.

В казахском ауле, как и в селе, сложился новый класс колхозного крестьянства. Практически все казахское сельское население вошло в колхозы, частью работало в совхозах, МТС. После победы в ауле колхозного строя в нем выросли социальные группы, связанные с новыми профессиями: медицинские работники, зоотехники, агрономы, работники торговли, бухгалтеры, учителя, заведующие фермами и многие другие. Значительную долю составляли казахи среди работников МТС и совхозов. Вместе с тем оставались традиционные профессии гуртоправов, чабанов, табунщиков. Примерно до 100 тыс. казахских кочевых и полукочевых хозяйств в 1930-е гг. были привлечены к работам на строительстве промышленных объектов в Казахской Республике, Западной Сибири, Поволжье, в республиках Средней Азии⁵².

Советские историки в своих работах писали, что с образованием колхозного крестьянства в его сознании и психологии произошли глубокие изменения. При этом якобы «приверженность к частной собственности сменилась приверженностью к социалистической собственности»⁵³. Однако, судя по высказываниям секретаря ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцова (1938–1945 гг.), частнособственническая психология у советских крестьян никак не была изжита. В своем выступлении он приводит факт: в одном из районов был допущен большой отход колхозного животноводства, и при этом скот, находящийся в личном пользовании, почти не пострадал⁵⁴.

В качестве стратегии выживания крестьяне в голодные годы прибегали к хищениям государственно-общественной собственности. Власти усматривали в мелких кражах тайный умысел врагов колхозного строя. Мелкие кражи с полей, ферм, скотных дворов, складов, хранилищ колхозов и совхозов были очень широко распространены, о чем имеется бесчисленное множество свидетельств архивной судебно-следственной документации, а также воспоминаний и семейных преданий. О выносах с зерновых полей поведали автору информаторы из Костанайской области, которые, будучи детьми, пряча колоски и пригоршню зерен в карманах на свой страх и риск, приносили эту добычу домой. В рыболовецких колхозах по дороге от водоемов к аулу колхозники незаметно, пока не видят бригадиры или другие ответственные лица, с телеги сбрасывали рыбу на землю. Затем кто-нибудь из родственников вслед за телегой ходил, подбирал и забирал рыбу домой⁵⁵. По словам наших информаторов – жителей Актюбинской, Костанайской и Туркестанской областей, во многом жизнь колхозников зависела от личных качеств бригадиров и объездчиков полей.

В производстве сельскохозяйственной продукции страны относительно большое место занимали приусадебные участки. Значительная часть продукции личных подсобных хозяйств потреблялась самими колхозниками, рабочими и служащими совхозов. Другая часть продавалась на колхозном рынке, главным образом городскому населению. Как в 1937 г. с возмущением отмечал тогдашний руководитель Казахстана Л.И. Мирзоян, колхозники, получая 50–60 коп. на трудодень, «все крутятся вокруг личных посевов огородных и зерновых культур, вокруг скота, вокруг разбухшего, разросшегося своего товарного хозяйства, а на обобщественную работу в колхоз выходит только один человек»⁵⁶.

В аулах и селах, кроме раскулачивания и коллективизации, была организована еще одна общегосударственная кампания, известная как «культурная революция». В каждом ауле открывались клубы, библиотеки, красные юрты, музеи, дома культуры, которые

⁵⁰ Культура и быт казахского колхозного аула... С. 77, 78.

⁵¹ Постановления IV Пленума ЦК КП(б) Казахстана... С. 8, 11.

⁵² Там же. С. 208–209.

⁵³ Турсунбаев А.Б. Колхозное крестьянство Казахстана... С. 94.

⁵⁴ Большевик Казахстана. 1941. № 7. С. 20–21.

⁵⁵ Полевые материалы 2022 г. Костанайская область, Амангельдинский и Джангильдинский районы.

⁵⁶ Левон Мирзоян в Казахстане. Сборник документов и материалов (1933–1938). Алматы, 2001. С. 215.

проводили агитационную и культурно-просветительскую работу⁵⁷. В оседлых аулах местные органы управления повсеместно обязывались открывать медицинские пункты, работники которых также проводили пропаганду гигиены.

В предвоенный период в казахских жилищах стали появляться сепараторы, керогаз, патефоны, радио, готовые швейные изделия. Однако вышеназванные блага цивилизации приходили либо в дома новой сельской элиты, в которую входило колхозно-совхозное руководство, либо обзаводились ими те, кто по долгу службы выезжал в город. В обиход бывшие кочевники также стали включать новые слова: трактор, комбайн, МТС, велосипед, клуб, библиотека, картофель, капуста и др.⁵⁸ В быт населения республики также было введено кино: кинопередвижки демонстрировали в селах дублированные на казахский язык фильмы.

Аульные школы в большинстве своем были не пригодны для организации учебного процесса. Развитию народного образования препятствовали малонаселенность аулов и сел, их отдаленность и разбросанность, бездорожье, слабая связь с административными и культурными центрами. По словам Ф. Слестухина: «Причина низкого охвата учебной та, что многие колхозники живут в своих землянках, разбросанных на 30 км»⁵⁹. Для решения проблемы организовывались школы-интернаты, общежития и пансионаты при крупных средних школах. В 1935 г. власти организовали кампанию по ликвидации неграмотности, в первую очередь среди колхозников, которая, однако, реального успеха не имела⁶⁰.

Одним из новшеств в Казахстане было появление детских садов и яслей. Повсюду в сельской местности государство пыталось на полную мощь задействовать женщин в сельскохозяйственном производстве. При этом, как подчеркивал этнограф М. Гаврилов, наряду с тяжелым физическим трудом в общественном хозяйстве женщины продолжали одновременно выполнять многочисленные и трудоемкие домашние работы⁶¹.

Под влиянием насаждаемого нового образа жизни и мировоззрения среди сельского населения, в основном молодежи, наблюдается тенденция в сторону отказа от соблюдения старых обычаев. Многие обычаи продолжали сохраняться, но поскольку открытое следование им пресекалось властью, то они уже не могли исполняться публично. Из общественной жизни религия перешла в частную, семейную.

Если рассматривать состояние материальной культуры: поселения, жилища, одежды, пищи после коллективизации в казахском колхозном ауле, то нужно заметить, что многие из элементов традиционной культуры некоторое время продолжали существовать без изменений. Причинами их сохранения в 1930-е гг., несмотря на политико-культурные мероприятия государства, были неразвитость промышленного производства и товарный дефицит. В то же время происходили некоторые изменения в одежде, связанные главным образом с влиянием городской культуры⁶². Как отмечал Ф.И. Голощекин, руководивший республикой в 1925–1933 гг., внедрение земледелия, птицеводства и других направлений сельского хозяйства в районах исконного животноводства способствовало «изменению структуры питания казахского населения»⁶³. В художественной культуре стали встречаться новые орнаменты – русско-украинские, а также рожденные советской действительностью изображения пятиконечной звезды, серпа и молота, самолета и т.д.⁶⁴

Таким образом, в животноводческих колхозах установилась определенная система организации общественной жизни, сложился новый распорядок трудовой деятельности. Под

⁵⁷ Большевик Казахстана. 1942. № 24. С. 15.

⁵⁸ Полевые материалы 2022 г. Костанайская область, Амангельдинский и Джангильдинский районы; Омаров М.Е. Переход казахского кочевого и полукочевого аула к оседлому образу жизни (20–30-е гг. XX в.): дис. ... канд ист. наук. М., 1982. С. 192, 199.

⁵⁹ Слестухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казахского аула... С. 76.

⁶⁰ Сулейменов Р.Б. Великий Октябрь и культурные преобразования в Казахстане. Алма-Ата, 1987. С. 54–55.

⁶¹ Гаврилов М. Быт казаков-колхозников Шаульдерского района Южноказахстанской области // Советское краеведение. 1935. № 10. С. 110.

⁶² Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. XIX – начало XX века. Алма-Ата, 1964. С. 169.

⁶³ Голощекин Ф.И. О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана. Алма-Ата; М., 1932. С. 20.

⁶⁴ Захарова И.В. Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана... С. 187; Полевые материалы 2022 г. Костанайская область, Джангильдинский район.

воздействием модернизаторской политики советского государства в быт казахского аула вошли новые виды сельскохозяйственного труда. В то же время в казахских колхозах некоторое время в неизменном виде сохранялись традиционные способы хозяйственной деятельности и народная культура. Колхозно-совхозная система не стала по-настоящему прибыльной, рентабельной и привлекательной для сельского населения советской страны, в том числе и для жителей казахских колхозных аулов. Вчерашние кочевники вынужденно адаптировались к требованиям новой власти, к навязанному новому укладу жизни. Жители теперь уже колхозного аула придерживались модели поведения, которая сложилась в соответствии с видением отношений с властными структурами, а также со временем выработали разнообразные способы поставить колхозы на службу собственным интересам.

Литература

Альжаппарова Б.К. Традиционное хозяйство казахов в первой трети XX века: трансформация и крушение (по материалам Центрального Казахстана): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2009. 157 с.

Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (Историко-этнографический очерк) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. Т. 3. Этнография. С. 5–104.

Востров В.В., Захарова И.В. Казахское народное жилище. Алма-Ата: Наука, 1989. 181 с.

Гаверилов М. Быт казаков-колхозников Шаульдерского района Южноказахстанской области // Советское краеведение. 1935. № 10. С. 109–112.

Голощекин Ф.И. О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казакстана. Алма-Ата; М.: Партиздат. Казакстанское отд-ние, 1932. 40 с.

Дахшлейгер Г.Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 3–23.

Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1985. Т. 1. 247 с.

Донич А.Н. Проблема нового казахского аула. Кызыл-Орда: Издание Госплана КССР, 1928. 28 с.

Дуїшемалиев Т.Д. Особенности проведения коллективизации сельского хозяйства в Киргизии // Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане: опыт и проблемы. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 127–134.

Захарова И.В. Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана (По материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. Т. 3. Этнография. С. 105–189.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. XIX – начало XX века. Алма-Ата: Наука, 1964. 178 с.

Колодин Ф.И. Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы) в Казахстане в годы первой и второй пятилеток // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: АН КазССР, 1956. Т. 2. История. С. 134–227.

Культура и быт казахского колхозного аула / отв. ред. А.Х. Маргулан, В.В. Востров. Алма-Ата: Наука, 1967. 304 с.

Левон Мирзоян в Казахстане. Сб. документов и материалов (1933–1938) / отв. ред. Л.Д. Дегитаева. Алматы: Қазақстан, 2001. 368 с.

Огайон И. Седентаризация казахов при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1940 гг.). Алматы: Санат, 2009. 365 с.

Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты / Ж.Б. Абылхожин, Н.А. Алимбай, Л.Р. Турганбаева и др. Алматы: LEM, 2022. 455 с.

Сластухин Ф. Социалистическая перестройка кочевого казакского аула // Советская этнография. 1933. № 1. С. 68–97.

Сулейменов Р.Б. Великий Октябрь и культурные преобразования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1987. 88 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3: Конец 1930–1933. 1006 с.

Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1957. 326 с.

Турсунбаев А.Б. Колхозное крестьянство Казахстана. Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1960. 256 с.

References

Abylhozhin, Zh.B. et al. (2022). *Ocherki po istorii traditsionnoy struktury kazakhov v pervye sovetskie desyatiletia: sotsial'no-ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty* [Essays on the History of the Traditional Structure of the Kazakhs in the First Soviet Decades: Socio-Economic and Socio-Cultural Aspects]. Almaty, LEM. 455 p.

Alzhapparova, B.K. (2009). *Traditsionnoe khozyaystvo kazakhov v pervoy treti XX veka: transformatsiya i krushenie (po materialam Tsentralnogo Kazakhstana)* [The Traditional Economy of the Kazakhs in the First Third of the XX Century: Transformation and Collapse (Based on the Materials of Central Kazakhstan)], Dr. hist. sci. diss. Almaty. 157 p.

Dakhshleyger, G.F. (1966). Iz opyta istorii osedaniya kazakhskikh kochevykh i polukochevykh khozyaystv (do massovoy kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva) [From the Experience of the History of the Settlement of Kazakh Nomadic and Semi-Nomadic Farms (Before Mass Collectivization of Agriculture)]. In *Sovetskaya etnografiya*. No. 4, pp. 3–23.

Dakhshleyger, G.F., Nurpeisov, K. (1985). *Istoriya krestyanstva Sovetskogo Kazakhstana* [History of the Peasantry of Soviet Kazakhstan]. Almaty, Nauka. Vol. 1. 247 p.

Danilov, V., Manning, R., Viola, L. (Eds.). (2000). *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. V 5 tomah* [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivisation and Dekulakization. 1927–1939. Documents and Materials. In 5 vols]. Vol. 3: 1930–1933. Moscow, ROSSPEN. 1006 p.

Degitaeva, L.D. (Ed.). (2001). *Levon Mirzoyan v Kazakhstane. Sbornik dokumentov i materialov (1933–1938)* [Levon Mirzoyan in Kazakhstan. Collection of Documents and Materials (1933–1938)]. Almaty, Kazakhstan. 368 p.

Donich, A.N. (1928). *Problema novogo kazakskogo ayla* [The Problem of the New Kazakh Village]. Kzyl-Orda, Izdaniye Gosplana KSSR. 28 p.

Duyshemaliev, T.D. (1990). Osobennosti provedeniya kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva v Kirgizii [Features of the Collectivization of Agriculture in Kyrgyzstan]. In *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva v respublikakh Sredney Azii i Kazakhstane: opyt i problemy*. Almaty, Gylm, pp. 127–134.

Gavrilov, M. (1935). *Byt kazakov-kolkhoznikov Shaul'derskogo rayona Yuzhnokazakstanskoy oblasti* [Life of Kazakh Collective Farmers of the Shauldersky District of the South Kazakhstan Region]. In *Sovetskoe kraevedenie*. No. 10, pp. 109–112.

Goloshchekin, F.I. (1932). *O sel'skom khozyaystve i, v chastnosti, zhitovnovodstve Kazakhstana* [About Agriculture and, in Particular, Livestock Farming in Kazakhstan]. Almaty, Moscow, Partizdat, Kazakstanskoe otdelenie. 40 p.

Kindler, R. (2017). *Stalinskie kochevniki. Vlast i golod v Kazakhstane* [Stalin's Nomads. Power and Famine in Kazakhstan]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 382 p.

Kolodin, F.I. (1956). *Tovarishchestva po sovместной obrabotke zemli (TOZy) v Kazakhstane v gody pervoy i vtoroy pyatiletok* [Partnerships for Joint Cultivation of Land (TOZ) in Kazakhstan during the First and Second Five-Year Plans]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. Almaty, AN KazSSR. Vol. 2, pp. 134–227.

Margulan, A.H., Vostrov, V.V. (Eds.). (1967). *Kultura i byt kazakhskogo kolkhoznogo aula* [Culture and Life of the Kazakh Collective Farm Village]. Almaty, Nauka. 304 p.

Ohayon, I. (2009). *Sedentarizatsiya kazakhov pri Staline. Kollektivizatsiya i sotsial'nye izmeneniya (1928–1940 gg.)* [Sedentarization of the Kazakhs under Stalin. Collectivization and Social Change (1928–1940)]. Almaty, Sanat. 365 p.

Slastukhin, F. (1933). Sotsialisticheskaya perestroyka kochevogo kazakhskogo aula [Socialist Restructuring of the Nomadic Kazakh Village]. In *Sovetskaya etnografiya*. No. 1, pp. 68–97.

Tursunbaev, A.B. (1957). *Pobeda kolkhoznogo stroya v Kazakhstane* [The Victory of the Collective Farm System in Kazakhstan]. Almaty, Kazakhskoe gosudarstvennoe izdatelstvo. 326 p.

Tursunbaev, A.B. (1960). *Kolkhoznoe krestyanstvo Kazakhstana* [Collective Farm Peasantry of Kazakhstan]. Almaty, Kazakhskoe gosudarstvennoe izdatelstvo. 256 p.

Vostrov, V.V. (1956). Kazakhi Dzhanybekskogo rayona Zapadno-Kazakhstanskoj oblasti (Istoriko-etnograficheskiy ocherk) [Kazakhs of Dzhanybek District of West Kazakhstan Region (Historical and Ethnographic Essay)]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. Almaty, AN KazSSR. Vol. 3, pp. 5–104.

Vostrov, V.V., Zakharova, I.V. (1989). *Kazakhskoe narodnoe zhilishche* [Kazakh Folk Dwelling]. Almaty, Nauka. 181 p.

Zakharova, I.V. (1956). Material'naya kul'tura kazakhov-kolhoznikov Yugo-Vostochnogo Kazakhstana (Po materialam Alma-Atinskoy i Dzhambul'skoy oblastey) [Material Culture of Kazakh Collective Farmers of South-Eastern Kazakhstan (Based on the Materials of Alma-Ata and Dzhambul Regions)]. In *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii*. Almaty, Izdatel'stvo AN KazSSR. Vol. 3, pp. 105–189.